

Космос нужен всем. Сегодня это рабочая формула. За пределами земной атмосферы можно провести такие эксперименты, которые невозможно осуществить в обычных земных условиях. Космическая связь и телевидение... Кто из нас не видел телепрограмм, переданных из одной страны в другую при помощи спутников связи «Молния»? Сведения, поступающие из космоса, помогают точнее прогнозировать погоду. Лесоводы, геологи, геофизики, топографы, люди многих специальностей по достоинству оценили пользу от космических помощников. Один лишь факт. Снимок, сделанный с орбиты, захватывает территорию в 150 тысяч квадратных километров. Чтобы сфотографировать эту же территорию с самолета, нужно сделать 2 тысячи снимков.

Сразу же после запуска первого спутника ученые ряда социалистических стран начали совместные наблюдения за полетами по согласованной программе. Но, конечно, самые широкие перспективы в использовании космической техники открылись перед учеными социалистических стран в 1965 году, после предложения правительства СССР о сотрудничестве с использованием советской ракетно-космической техники. 14 октября 1969 года. В этот день на орбиту запущен спутник «Интеркосмос-1». Он был оснащен аппаратурой для изучения коротковолнового солнечного излучения, изготовленной в ГДР, Чехословакии и Советском Союзе. Успехи советской космонавтики и усилия всех стран позволили осуществить запуск и работу уже 17 спутников серии «Интеркосмос», шести геофизических ракет типа «Вертикаль» для зондирования атмосферы.

15 сентября 1976 года. На орбите космический корабль «Союз-22». На его борту уникальная фотоустановка МКФ-6, созданная учеными ГДР. Во время полета Валерий Быковский и Владимир Аксенов сделали свыше трех тысяч снимков территории СССР и ГДР.

Впервые на спутнике «Интеркосмос-6» обнаружены в потоке космических лучей частицы с энергией свыше тысячи миллиардов электрон-вольт. Такие энергии пока невозможно получить в земных условиях ни на одном ускорителе.

1976 год — заключено межправительственное соглашение об участии в пилотируемых полетах советских

космических кораблей граждан стран социалистического содружества. Уже в конце года первая группа из ЧССР, Польши, ГДР начала подготовку к полетам. Центр подготовки космонавтов в Звездном городке стал Международным.

2 марта 1978 года на орбиту к станции «Салют-6» в гости к космонавтам Юрию Романенко и Георгию Гречко стартовал космический корабль «Союз-28». Его экипаж — летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза Алексей Губарев и гражданин Чехословацкой Социалистической Республики Владимир Ремек.

Встреча двух экипажей произошла к исходу 84-х суток работы на орбите Юрия Романенко и Георгия Гречко. Шесть дней над Землей кружил поезд, состоящий из станции и двух пристыкованных кораблей. Его длина — 30 метров, масса — свыше 32 тонн. В отсеках орбитального комплекса трудились четыре классных специалиста. Каждая минута была на счету: эксперименты, исследования, которые раз-

рабатывали для совместной работы космонавтов ученые двух стран. Один из них — эксперимент «Моравы». Целью его является получение новых сплавов в космических условиях. Установка «Сплав» — электрическая плавильная печь. Температура в ней достигает плюс 1000 градусов. На Земле такие печи обычно представляют собой огромные агрегаты. По мнению специалистов, в недалеком будущем конструкция космической электропечи станет обычной в заводских цехах, что даст весомую экономию сырья, материалов и энергии.

Так проявляется диалектическая взаимосвязь: космонавтика, волеванная в себя новейшие достижения науки и техники, в свою очередь оказывает влияние на развитие производства в стране.

Людмила ШВЕЦОВА

Фото А. Моклецов

Владимир Ремек, космонавт Чехословацкой Социалистической Республики: «Я благодарен советскому народу, создавшему могучую космическую технику. Я знаю, что лечу на советских крыльях».

Репортаж, подготовленный П. Пелеховым и Л. Швецовою, слушайте на звуковой странице.

С. П. КОРОЛЕВ:

«Космонавтика

имеет безграничное будущее,

и ее перспективы

беспределельны,

как сама Вселенная».

КОСМИЧЕСКИЙ
ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Защищая Родину, сражаясь против фашизма, наши солдаты, наши советские люди думали о мире. Мы воевали за то, чтобы не было больше военных пожаров. Мы воевали за то, чтобы не рыдали матери, оплакивая своих сыновей. Мы воевали за то, чтобы отстоять свободу своего народа и народов других стран, отстоять их право на жизнь, на мирный труд, на счастье.

Л. И. БРЕЖНЕВ,
Генеральный секретарь
ЦК КПСС,
Председатель Президиума
Верховного Совета СССР,
Маршал Советского Союза

● Начиная войну против Страны Советов, фашистские заправилы мечтали гордо пронести свои штандарты по Красной площади. Да, они, эти знамена, попали в Москву, но не так, как мечтали фашисты... Их принесли победители, чтобы бросить к подножию усыпальницы великого вождя пролетарской революции, завещавшего нам до последней капли крови защищать исторические завоевания Октября.

И. Х. БАГРАМЯН,
Маршал Советского Союза

● Трудно сказать, какой национальности бойцов не было в 62-й армии. Известный «Дом Павлова» в Сталинграде обороняли под командованием русского сержанта украинцы, грузины, казахи, литовцы и воины других республик. Всех их объединяла и цементировала единая воля Коммунистической партии.

В. И. ЧУЙКОВ,
Маршал Советского Союза

РАДИ ЖИЗНИ

● Москва, Сталинград и Курск стали тремя важными этапами в борьбе с врагом, тремя историческими рубежами на пути к победе над фашистской Германией. Последующие операции велись уже в условиях нашего безраздельного владения инициативой, что явилось важным фактором в достижении новых крупных военных побед над врагом.

А. М. ВАСИЛЕВСКИЙ,
Маршал Советского Союза

● Бои под Ленинградом — яркое доказательство того, что моральная крепость советских воинов не имеет равных себе ни в одной армии мира, и это является сильнейшим превосходством Красной Армии над армией ее противника.

Л. А. ГОВОРОВ,
Маршал Советского Союза

● Фашизм принес народу позор, несчастье, моральное падение в глазах всего человечества. Но гуманен и благороден советский солдат. Он протянул руку помощи всем, кто был ослеплен и обманут. И это очень скоро поняли немцы. Стоило войскам остановиться на привал, у походных солдатских кухонь сбивались голодные немецкие детишки. А потом подходили и взрослые. Знали, что советские солдаты поделятся всем, что они имеют, поделятся с русской щедростью и с отзывчивостью людей, много испытавших и научившихся понимать и ценить жизнь.

К. К. РОКОССОВСКИЙ,
Маршал Советского Союза
Фото А. Бочинина

Знамя Победы
На первой звуковой
странице слушайте рассказ
Героя Советского Союза
сержанта М. Егорова, записанный
корреспондентом В. Визчиковым

НА ЗЕМЛЕ

Борис СЛУЦКИЙ

ПО ТРУБЕ

Труба поет с утра.
А что она поет?
Она поет: пора!
Она поет: вперед!
Она поет: вставай
и приступай к труду!
Вставай и плыви давай!
Я слушаю трубу.
Я по трубе вставал,
слегка трубе пенял,
но все же план давал
и перевыполнял.
Сперва — едва-едва.
Потом — гляди-смотри!
Бывало и сто два
процента и сто три.
Кто по гудку встает,
кто по звонку встает,
а мне труба поет,
заспать

не дает.
И саребрится
звук,
седой,
как виноград,
и для умелых рук
как будто нет преград.

МЕХАНИЧЕСКАЯ МУЗЫКА

Включил пластинку и на лифте музыки
умчался из подвала в небеса,
или из города в леса,
или из шума в голоса.
Когда пройдет иголка по бороздкам,
тогда конец и тучкам и березкам,
и снова кактус ежится в окне.
Тогда конец и мне.
Но я поставлю новую пластинку
и с нею счастья нового достигну,
и выпломаюсь, и освобожусь,
и снова я на многое гожусь.

ВОСПОМИНАНЬЯ

Воспоминанья лучше вещей.
Я на воспоминанья — кащей.
Я их поглаживаю, перебираю,
я их отпеваю от шелухи,
я их отлаживаю, перевираю,
я оправляю их лики в стихи.
Вот они, сладкие страшной сладью,
схвачены болью, выжжены страстью.

Трачены молью —
сладкоголосые, как соловьи,
вот они, воспоминанья мои!
ПРОГУЛОЧНЫЙ ПАРОХОД

Всем старикам по многу лет,
а молодым по малу,
но все, купившие билет
на этот теплоход,
плывут по Волге сверху вниз
без всякого обману,
потом по Волге снизу вверх
дают обратный ход.
Они плывут, а берега —
в обратном направлении.
Они плывут и, облака
оставив за собой,
в счастливом состоянии
беспечности и лени
довольны, что радист включил
и флейту и гобой.
И, отраженная в реке,
луна в то полнолуние
висит совсем недалеко,
над белой трубой.
Она прибавилась слегка —
сильней, чем накануне,
и проливает мягкий свет
на волн немолчный сбой.
У счастья множество личин,
но я одним усилием
определил и различил
его простейший символ:
река! Над нею облака.
На ней мазута пятна,
А жизнь удачлива, легка,
прекрасна и понятна.
ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР

Еще не вечер.
Конечно, тени
людей, животных и растений
уже заметно удлиняются,
и звезды бледно теплят свечи,
но вечер только начинается:
еще не вечер.
Еще два-три часа, не менее,
покуда звезды ярче вспыхнут,
покуда в полном онемении
кусты кошацьи спины выгнут
и ночи чудо-мастерская
включит беззвучные моторы,
и тишина пойдет такая,
что можно звезд услышать споры.
Покуда же у дня не вечер,
и у меня еще не вечер.

Богучаны... Все чаще появляется в газетах это экзотически звучащее слово.

И будоражит оно души тех, кто мечтает оставить свой след на Земле, как будоражило пятнадцать—двадцать лет назад слово «Братск», а десять лет назад «Усть-Илимск». Ибо Богучаны—прямой наследник традиций, опыта и славы всех тех, в чью биографию навсегда вошли знаменитые ангарские стройки.

В шестидесятые годы мне посчастливилось несколько лет работать в Восточной Сибири. Это были годы разгара гидромонтажных работ в Братске. Что ни месяц—другой, то новый рапорт: «дал ток агрегат №...», «установленная мощность Братской ГЭС возросла до...». Это были годы, когда разворачивалось строительство Усть-Илимской ГЭС—не самой еще станции, а всего того, что нужно было, чтобы «войти в реку» в створе у Толстого мыса, чуть выше знаменитых трех островков, называвшихся таежно и ласково—Лосята, перекрыть в третий раз течение могучей Ангары, куда более могучей здесь.

В те дни еще мало кто слышал о Богучанах. Но большинство из тех, кого привычно стали называть «покорителями Ангары», не только знали о Богучанах, но и мечтали о них.

Там, в нижнем течении великой реки, где-то в районе старого сибирского села, должна была встать четвертая по

счету гидроэлектростанция ангарского каскада. Энергогигант, по масштабам, мощности, силе преобразующего воздействия на окружающий край сравнимый лишь с Братской и Усть-Илимской ГЭС. Осенью 1965 года мне удалось попасть в состав уникальной речной экспедиции: на катamarане из двух приваренных бортами друг к другу речных барж предстояло перевезти из Братска на Усть-Илимск, через пороги, которые и без груза-то проходить было риском, два огромных, тяжелых вагона—железнодорожный энергопоезд. Он должен был дать тепло, горячую воду в дома новорожденного поселка гидростроителей. Вести караван было поручено одному из опытейших на Ангаре капитанов—Мирзу Вельданову. А руководил походом капитан-наставник ангарского флота на участке от Бэйкала до Усть-Илимска Владимир Савенков.

Поход запомнился мне на всю жизнь. Но и на всю жизнь запомнилось чувство доорой зависти, когда, прощаясь в Усть-Илимске с теми, кто возвращался в Братск, капитан-наставник Савенков сказал: «Вы домой, а я дальше, вниз по Ангаре, через грозные пороги. Нужно «прощупать» путь на Богучаны».

Готовились гидростроители. Готовились речники. Готовились железнодорожники. Еще в декабре 1963 года иркутские журналисты совершили увлекательную поездку по

ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО СОВЕТСКОЙ
РОДИНЕ

3

ПУТЬ

железной дороге, по которой сегодня идут грузы на строительство Богучанской ГЭС.— дороге Решеты—Богучаны, что ответвляется от Транссибирской магистрали чуть западнее Тайшет и идет почти точно по меридиану на север. Впрочем, по железной дороге мы в ту пору проехали всего сто с чем-то километров. Затем можно было ехать уже только на машине вдоль насыпи, на которую еще предстояло положить рельсы. Потом и насыпь кончилась, и надо было пробираться на вездеходе по таежной просеке, где снега достигали глубины полутора метров. А потом за рекой Чуя, в поселке Чуояр, старый охотник, в избе которого обосновался передовой десант строителей, рубивших просеку, сказал нам: «Хотите на Богучаны двинуться? Могу провести—на лыжах. Тут недалеко—за неделю добежим...»

И вот сегодня газеты, радио, телевидение все чаще приносят весточки с обратным адресом «Богучаны»: «Из Братска к строительству Богучанской ГЭС тянется подъездная автомобильная дорога...». «Пущен бетонный завод...». «Началось сооружение электростанции. Ее первые агрегаты дадут ток в 1983 году...».

Обратите внимание, как стройна, как четко прослеживается преемственность гидроэнергетическихстроек на Ангаре: 50-е годы—введена в строй Иркутская ГЭС, начато строительство Братской, 60-е годы—завершена Братская и

начата Усть-Илимская; 70-е годы—Усть-Илимская завершена и начинается Богучанская. И каждый раз—от станции к станции—электрическая рука помощи—высоковольтные ЛЭП. И каждый раз самое главное: прошедшие прекрасную школу, искусные в труде и закаленные в борьбе с сибирской природой люди.

Станислав ИЛЬИН

Композитор А. Пахмутова, начальник гидроотряда И. Петухов, строитель Г. Абадаев... Их рассказы, записанные корреспондентом радиостанции «Юность» Ю. Никифоровым, вы услышите на третьей звуковой странице.

Фотокорреспондент В. Сакк недавно вернулся из Усть-Илимска. На его снимках: строительство лесопромышленного комплекса, панорама города, в диспетчерском зале гидростанции, прокладка ЛЭП в сторону Богучаны.

НА БОГУЧАНЫ

Н. Богословский

Е. Долматовский

ЛЮБИМЫЙ ГОРОД

В одном из выпусков «Кругозор» под рубрикой «Биография песни» мы прочитали о песне «Каховка».

Не могли бы вы рассказать об истории создания песни «Любимый город»

Н. Богословского, которая нам очень нравится?

Р. Золотерёва
и Т. Смалько

г. Пятигорск

1

БИОГРАФИЯ ПЕСНИ

Этой песне уже под сорок... Утешаюсь тем, что старость песни—это когда ее забыли. А пока помнят—она в том же возрасте, что и люди, ее поющие или просто знающие.

Весной 1939 года в Киеве снимался кинофильм «Истребители» с молодым Марком Бернесом в главной роли. На творческом счету Бернеса к тому времени была, пожалуй, только одна песня—«Тучи над городом встали» в фильме «Человек с ружьем». Актер еще не знал, что станет певцом.

Мы с композитором Никитой Богословским были как бы дублерами летчика, которого играл Бернес: мы сочинили для летчика песню о любимом городе. Вообще

говоря, Бернес имел и настоящего дублера—молодого летчика Василия Шишкина, который за него летал. Потом, в Великую Отечественную, летчик стал Героем Советского Союза, знаменитым асом. Но если для полетов нужен был дублер, то для пения он Бернесу не требовался. Оказалось, что он настоящий жанровый певец. Сколько песен он спел потом, и спел замечательно!

Мы писали эту песню, советуясь со своими товарищами, летчиками, недавно прилетевшими из Испании и с Халхин-Гола. Мы хотели,

чтобы песня была о них, о том, что они чувствуют и думают. Каждый из них был товарищем, о котором первая строка: «В далекий край товарищ улетает».

Они же, герои недавних первых боев нашего поколения, были первыми слушателями новой песни, первыми «приемщиками». На Киевской киностудии песню запели рабочие в цехах еще до съемок.

Песня очень быстро распространилась. К началу Великой Отечественной ее уже знали и пели достаточно широко, чтобы во время бомбежек возникла ироническая фраза, весьма часто употреблявшаяся: «Любимый город может спать спокойно?»

Только один вопросительный знак, вопросительная интонация, но все уже звучало по-другому.

И не по-другому...

Потому, что войны справедливой войны сражались за то, чтобы любимый город мог спать спокойно, видели в мечтах свое возвращение домой.

Песни тех времен подтверждали незыблемую веру в победу, которая жила в сердцах людей. Так мирные песни становились воинами.

Вскоре после войны мы услышали «Любимый город» в совершенно неожиданной трактовке: ее пел знаменитый борец за мир американец Поль Робсон, несколько растягивая слова и делая советскую песню немного похожей на «спиричуэлс»—негритянские псалмы. Оказалось, что Поль Робсон пел песню и во время войны на митингах солидарности с Советским Союзом, несшим на своих плечах главную тяжесть битвы с фашизмом.

Разумеется, мне, как одному из авторов этой песни, радостно, что она звучит и ныне в мастерском исполне-

нии Муслима Магомаева, Иосифа Кобзона и других современников, что юность моя и моих товарищей: композитора Никиты Богословского, актера Марка Бернеса, летчика Василия Шишкина — продолжается в новых поколениях. Как флажок эстафеты, служит людям и песня.

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

Герой Советского Союза
Г. К. Мосолов:

«Песня «Любимый город» стала для меня песней жизни».

Н. В. Богословский:

«Песню передавали из поколения в поколение. Для композитора это огромная радость...»

На седьмой
звуковой странице
о песне

рассказывают Г. К. Мосолов
(на фото внизу)

и Н. В. Богословский.

Поют Марк Бернес,

Поль Робсон,

Муслим Магомаев.

Фото А. Лидова и И. Кочнава

Леонид КУРАВЛЕВ

На моем счету около семидесяти фильмов. Точной бухгалтерии не веду, потому что неудачные работы как бы и не участвуют в твоей судьбе: они тебя ничему не научили. Воспоминания о таких фильмах существуют только в виде упрека: зачем ты в них снимался? А того, что тебе дорого, не так уж и много. Но все-таки есть фильмы, которые лелеешь в памяти.

Наше отношение к жизни прежде всего сказывается через работу, через тот материал, о котором сначала говорят «прочи», а потом «прикинь». Отсюда, на мой взгляд, основная задача актера — вносить побольше разума в действие.

По внутренней логике, не явной для зрителя (хотя я убежден, что зритель всегда понимает, чем ты восхищаешься, а что осуждаешь), я соединил в триптих

ТЕАТР
«КРУГОЗОР»

фильмы разных режиссеров, в которых снимался в последние десять лет. Я имею в виду «Начало» Г. Панфилова, «Афоню» Г. Данелия и «Ты — мне, я — тебе» А. Серого.

Характер Аркадия как бы лежал в первооснове. Из него при известных обстоятельствах вырастал Афоня, и заканчивался этот ряд уже явлением самым мерзким — Кашкиным.

Роль Аркадия я считаю вообще очень важной в своей биографии. Я любил Аркадия и жалел его, как жалеют безвольных людей. Трагедия Аркадия — это трагедия безволия. Щепочка, которую подхватил ручей и несет куда ему вздумается.

Но вот мы снимали эпизод ужина у Паши. Все кадры шли по сценарию, и вдруг вспомнил Аркадий мелодию популярной песни (ее в те годы пел Магомаев) и запел ее. И Паша подхватила эту мелодию, и стали они танцевать под

нее. Какое это было счастье, какой взлет! Так это и осталось потом в фильме. Должен же человек хоть один раз в жизни почувствовать себя свободным! И ведь недаром в конце фильма плачет Аркадий возле своей Паши. Нутром понимает, что жизнь не состоялась только потому, что он однажды не взбунтовался.

Безволие Аркадия угнетает в первую очередь его самого. И когда-то оно просто должно прорваться в бунт. Но бунт бунту — рознь. Когда человек недоволен окружающей жизнью, но бунтует мелко, зло, по-хулигански, тогда это стоит — руки в брюки, кепочка по самые глаза — сантехник Афоня. Мелкий бунтарь, потребитель. Путевочку дают в дом отдыха — берет, квартиру дают хо-

РАЗУМНАЯ СТИХИЙНОСТЬ

рошую — берет. Но дом без воды оставит спокойно — мол, кончился рабочий день. Какая разница, что о нем подумают, все трин-трава.

Но и Афонина драма мне понятна, с другой стороны. Он же не в безвоздушном пространстве живет — среди людей. А проходит всегда как бы за второй сорт, и цена ему — трешка. Но он может еще вырваться из этого ряда, он еще не потерянный окончательно человек. С этой надеждой и кончается фильм.

Ну, а если не спохватится Афоня вовремя, тогда однажды утром проснется он уже в декорациях картины «Ты — мне, я — тебе». На стенке графические календари, под окном «Жигули» красного цвета, и сам он теперь будет банщиком Иваном Кашкиным. Кашкин живет так, как и не снится честному человеку. Это червь, который питается за счет других. Тут уже полная деградация, самое гнусное, что может быть.

Снимался кульминационный эпизод. Кашкин у себя дома, с «дамой». Вот и друг пришел, тоже с девочкой. Сейчас музыку заведем, стол накроем. Все прекрасно, все на уровне кашкинизма. И вдруг звонок — телеграмма. Брат умер. И жест досады у него вырывается, хлопает рукой об руку. Ах, помешали жить красиво! А он не привык, чтобы ему мешали. Он всегда на коне, причем на белом коне.

Этот жест родился на пробах. И для меня в нем весь Кашкин. Это жест дельца, привыкшего всегда быть только в выигрыше. А работа иногда и состоит в том, чтобы найти правильный поворот головы перед камерой или жест, который будет самым выразительным. Это экспромт, но он может родиться только на хорошо подготовленной почве, на прекрасном знании материала, на любви к нему.

Стихийность для актера — это синоним искренности, но в стихийности должно быть разумное, сердце должно проверяться разумом. Понимание этого пришло ко мне во время работы с Василием Макаровичем Шукшиным. В разговорах с ним и родился необычный термин «разумная стихийность».

В судьбе актера существует элемент везения. Моим крестным отцом в кинематографе был М. Швейцер, но «породил» меня все-таки Шукшин. Он снял меня в своей дипломной ленте «Из Лебяжьего сообщают». Потом предложил мне сыграть Пашку Колокольникова в фильме «Живет такой парень». А потом предложил еще одну роль — Степана в фильме «Ваш сын и брат». Небольшую роль, но очень важную для него. Она как бы стояла в «воротах» его, шукшинского мира. Может быть, он и сам бы хотел сыграть Степана, но в те годы доверил его мне...

*Леонид Куравлев: «Шукшин снимал свои фильмы у себя на родине, на Алтае. Мы уехали в экспедицию...»
Слушайте пятую звуковую страницу.*

В Молдавии шутят, что здесь ребенок сначала учится петь, а уж потом только говорить. Действительно, Молдавия — одна из самых «поющих» наших республик.

Год назад на многокрасочном музыкальном горизонте молдавской музыки появилось новое имя — вокально-инструментальный ансамбль «Оризон».

Дебют этого молодежного коллектива состоялся в первый день весны 1977 года. Каждый год с первого по десятое марта в республике проводится традиционный весенний музыкальный фестиваль «Мэрцишор».

«Мэрцишор» — по-молдавски значит первый весенний цветок.

«Мэрцишор» — это несмолкающие музыка, танцы, шутки...

Традицией «Мэрцишора» является также и смотр молодых талантов, открытие новых имен. Первыми зрителями дебютанта фестиваля — ансамбля «Оризон» — были сельские труженики. Заметим, что основу репертуара ансамбля составляют молдавские народные песни, правда, в «новых нарядах» — в современных аранжировках, с применением целого арсенала электроинструментов, гармонично сочетаемых с такими типичными для молдавского фольклора инструментами, как скрипка, най...

И вот первый концерт. Как-то примут их зрители, привыкшие к традиционному исполнению народных мелодий? Зрители, среди

которых были и лэутары — народные сельские музыканты. Как только отзвучала первая песня, стало ясно, что направление, которое выбрали молодые музыканты «Оризонта», по душе не только им самим, но и слушателям, среди которых рождаются эти песни.

Свежесть аранжировок ансамбля сочетается с берважным отношением к молдавскому фольклору. Есть в «Оризонте» и песни современных аэторов, но и в них вы ощутите аромат народных напевов и присутствие им солнечные краски, темперамент, ежеминутную готовность к импровизациям...

«Оризон»... Какова символика этого названия?

Руководитель ансамбля Олег Мильштейн говорит: «Мы назвали наш ансамбль «Оризон» — горизонт по-русски, потому что для ищущих людей это та самая магическая линия, которая зовет к себе, за которую хочется заглянуть...

Владимир ЧУРИКОВ

Фото Б. Палатника

На десятой звуковой странице «Оризон» исполняет молдавскую народную песню «Четыре мельницы» в обработке М. Оцела и «Монолог» О. Мильштейна, III. Петраке.

Бескрайние синие дали...
И стройка за лесом видна.
А мы над обрывом стояли,
где речка прозрачна до дна.
Дни осени солнечно-сухи.
Так много тепла у земли!
Летали стрекозы и мухи,
ромашки, как летом, цвели.
Боярышник, чуть подпаленный
незримым осенним огнем:
лист желтый, лист красный, зеленый —
все краски смешались на нем.
Накидки расправили ели
(и с ними — сосна заодно!).
Бессменные эти шинели
они получили давно.
Березы надели медали
и клены — свои ордена.
А мы над обрывом стояли,
где раньше шумела война.
И виделись снежные дали
и танки, идущие в бой.
Здесь насмерть солдаты стояли,
Москву прикрывая собой.
А нынче все так было тихо,
и листья пестры и легки!..
И вышла из лесов лосиха,
и воду пила из реки.

...И пришел ко мне аюдь ацтеков
а головном уборе из перьев
и спросил: «Как возникло, откуда
это чудо чудное — жизнь?»
Я ответила: «Я не знаю,
и никто не знает об этом.
Разве жители моря — дельфины
тайну смогут нам приоткрыть?»
Но приплыли ко мне дельфины...
Из воды винтом вылетая,
успевали сказать немного
на свистящем своем языке:
«Нет, не знаем, не знаем, не знаем,
никому не доступна тайна.

Даже что такое материя,
мы не можем никак понять.
Вы спросите орла об этом.
Высоко он парит над миром.
Может, жители неба — птицы
тайну смогут вам приоткрыть!»
...И ко мне прилетели птицы,
со всего они света слетелись.
Были чибиры тут и чайки,
и щеглы,

и в плаще блестящем
попугай — говорящая птица.
Все они щебетали часто:
«Вы о чем? Нет, чего не знаем,
мы не будем зря утверждать.
Даже больше того — бесконечность
мы не можем себе представить.
Вы взгляните, вон Спутник летает.
Как звезда, он скользит по небу.
Он-то тайну постиг, конечно!»
«Спутник, Спутник!
Открой нам тайну».

И тогда отозвался Спутник.
На морзянке своей трескучей
долго-долго он повторял:
«Видел звезды я, видел солнца,
и квазары, и даже пульсары,
но великую тайну эту
разгадать все равно не а силах». —
Разве жизнь не каприз, не прихоть
разыгравшейся не в меру природы,
познающей себя самою?!
Ну и что из того, что масса
всей Вселенной была когда-то
лишь одно сверхъядро, праматерь,
а потом взорвалась, как бомба.
Да, галактики разбегаются...
— Разбегаются!
Где разбегаются!
В пустоте?
Что она такое?
Ничего?!
Это как — «ничего?!»

Нет, понять бесконечность нельзя,
а конечность — совсем невозможно.

— В одной из передач «В мире животных», помню, Василий Песков обратился за советом и помощью к телезрителям. Спросил, какое, по их мнению, животное, птица ли — словом, какая зверушка могла бы «послужить» Московской Олимпиаде-80, стать одновременно символом и спортивных доблестей, и российской природы...

Говорилось тогда о тетереве, глухаре, зайце или олене.

А я сказал жене:

«Вот посмотришь, медведь будет!»

Почему медведь? А вы приглядитесь, если выпадет вам такая возможность, к этому зверю.

Столько сказок о нем, столько поговорок сложил народ, — а мы ведь его не знаем почти, нашего бурого Мишку...

Из монолога В. С. Пажетнова, продолжение которого на четвертой звуковой странице.

МИР ПРИРОДЫ

— Митю вы не видели? — спросил спрятанная листвою птица так отчетливо, что стало даже не по себе.

А Митя ушел вперед. Ему этот поиск медаежьих следов, меток на деревьях — так, за компанию с однокурсниками. А вообще Митя — орнитолог. Его интересуют птицы. Если уж совсем точно, то его интересуют воробьиные. И когда я спрошу у него, что за пернатое существо обращается с ним так панибратски, он ответит коротко, чуть запнувшись:

— Че-чевица.

И я, не взглянув даже в орнитологический справочник, охотно ему поверю. Потому что не должен, не может Митя быть профаном в лесу, раз уж сделал он себе лес, заботу о нем проффессив и любовью, а не только летней университетской практикой.

Через несколько часов мы вернемся. Чтобы отмыть у деревянного домика, в котором проживает с семьей старший научный сотрудник Центрального лесного заповедника Валентин Сергеевич Пажетнов, залепанные в лесных болотах резиновые сапоги, обобрать клещей с брезентовых штормовок, напиться не коричневой, торфяной, а чистой колодезной воды и безнадежно долго дожидаться хозяина. Студенты — старшего коллегу, я — собеседника. А хозяин еще днем завал старенький заповедниковский «газик» (вот он, комплексный союз профессий: и ученый, и водитель, и механик, да и плотник, если придется!) и уехал в дальнее село. Там, говорили, добыли охотники медвежонка. То ли подстрелили браконьеры его мать, то ли, испугавшись чего-то, ушла медведица в лес. А медвежонок, как известно, брошенный матерью, два-три дня не уйдет с места, как бы рассчитывая на возвращение ее именно сюда. Словом, живет в селу медвежонок, содержится на

4 НА ЗЕЛЕНОМ КОРДОНЕ

цепи, и неизвестно, чем это кончится, когда он вырастет. Так не лучше ли позаботиться о его будущем специалистам? Наладил Валентин Сергеевич машину, поехал.

Мы дождемся этой встречи с медвежонком только через день. Поломается машина у Валентина Сергеевича, вернется он с полдороги, сядет в другую машину — и привезет, наконец, измученного и запуганного звереныша, который боится даже людского голоса, но готовно кувыркается через голову, выкликивая подачку... И соорудим сообща мы просторную клетку в лесу.

И почувствует себя там Руслан, как нарекли по предложению Валентина Сергеевича медвежонка, покойно, уверенно, как в родной среде... Потом, когда станет Руслан взрослым, его не отпустят в лес. Человек вмешался в естественный ход развития зверя. В лесу ему делать нечего. Опыт, проведенный несколько лет назад Пажетновым, доказал это. Но, скажем, в живом уголке ВДНХ Руслану будет хорошо. Может, и встречу я с ним там через год, два? Узнает ли он меня?

Мы уходим от клетки. Руслан, так скоро и охотно поверивший в доброту и бескорыстие человека, несколько мгновений стоит неподвижно, вцепившись в прутья. А потом вдруг валится на помост, тоскливо, совсем по-человечьи обжегив морду лапами и причитая...

Послушайте четвертую звуковую страницу. Валентин Сергеевич Пажетнов комментирует медвежью «речь», которую он учится понимать. Понимать, чтобы быть с природой на равных. Чтобы помогать ей быть неизменной.

Б. ВАХНЮК.

специальный корреспондент «Кругозора»

Калининская область

Фото И. Константинова, рисунок В. Чижикова

В Москве не так давно гастролировал оркестр Поль Мориа. Наш очень хотелось бы услышать его залиси и прочесть об этом популярном дирижере и композиторе на страницах «Кругозора».

Александр и Екатерина
Урядовы
г. Пенза

— Наш оркестр не единственный в своем роде, — говорил в Москве французский дирижер — но то, что мы, по-видимому, выбрали верные краски, чтобы утолить мелодическую жажду — иногда и насладиться любимой музыкой, я понял.

лашь успевая в Гонконге, что нас очень хотели бы видеть в Бангкоке, где оркестр будто бы чрезвычайно популярен...

В чем же суть этого удивительного музыкального перевода, столь точно найденного музыкального эквивалента, одинаково верного для слушателей разных широт и континентов?

Прежде всего в отборе мелодий. Мориа делает это самым

примитивным путем, слушая пластинки, следя за хит-парадами — сликами наиболее популярных мотивов и песен. Киноуспех или телесюжеты будут впереди аранжировки, заранее гарантируя Мориа надежный рынок.

— Я попытаться стабильностью стиля — говорил дирижер, — чтобы привнести ясность работы. Мориа переносит в разные сферы звукового и пластиночного искусства. Дело обстоит так: в запись участвует 60 человек, а в гастролы — 30. Некоторые вещи сложно исполнить во время турне, например, вся параллельная русская и советская мелодия, требующая так называемых «больших сква-

ОРКЕСТР ПОЛЯ МОРИА

Когда одиннадцать лет назад Поль Мориа вместе с оркестром ларинского «Олимпика» вместе с певцами, кларнетами и акробатами дошел в зал аэропорта Шереметьево, московские репортеры, все же поздравившись с ним, все же твердо прошли мимо и плотным кольцом окружили юную Мирек Матье.

Теперь, в 1978 году, эти имена на популярности сопоставились. И сегодня разговор о «феномене Мориа» стоило бы начать с констатации удивительного успеха его оркестра, обретенного задолго до начала гастролей, с размышлением о том, какова велика потребность человека в современных «Песнях без слов», в прекрасных мелодиях-цветках, точно сорванных Мориа во многих уголках земного шара.

На одиннадцатой звуковой странице
в исполнении оркестра под управлением
Поля Мориа — мелодии
«Мэми блю» (Ю. Жиро) и «Эль Бинбо» (К. Морган)

Фото Л. Лазарев

пок». Но в общем-то в студии и на асфальте я стараюсь добиться одного и того же — беспрерывного улучшения, постоянного поддержания звучания. В этом извечном творческую роль игрока ритмика и бесценные люди оркестра. Среди них немало «звезд» — вроде саксофониста Уильяма Локауда или целой «созвездий» — вроде группы мексиканских трубачей — Рамона Флореса, Виктора Гусмана, Гильермо Эспиносы и Адольфо Салагуны, не говоря уже о струнной группе или моих коллегам — пианистам Жераре Гамбюсе и землякам марсельца Жана Бернара.

С Бернаром, удивительно похожим на Фернандо, мы долго беседовали о методе и труде Мориа.

— Если бы мне предложили дать Полю прозвище, — заметил Бернар, — я бы назвал его «Мориа-канесто» или «Мориа-упущатель» — что-нибудь в этом роде. И так было всегда. Когда он учился в консерватории на своей родине — в Марселе, когда, приехав в Париж, поселился у ассилиного Эдди Баркля сорок музыкантов для исполнения своих обработок. Так обстоит дело и сейчас, когда он часами выискивает канесто-нибудь фантастическое звучание для сюиты на бразильские темы, последней песенки Барбары Стрейзанд или «Венгерского танца» Брамса.

И мне думается, что пожалуй в названных случайно Бернаром произведениях и отразился сокровищный репертуарный оплот Мориа. Он фольклором через эстраду к классике. Даринко и считает, что соединить в одном ансамбле классических, народных и джазовых инструментов позволяет то же самое время, когда наконец быть может, универсальный без деления на роды и виды, оркестры музыки будущего.

Артем ГАЛЫПЕРИН

«Час с Валерием Буймистером» — так была озаглавлена заметка одной из французских газет в июле прошлого года...

«Публика фестиваля помнит этот час, проведенный с лауреатом Международного конкурса вокалистов в Париже. Выступал Валерий Буймистер. Это талантливый советский певец, украинец по национальности. В свои двадцать восемь лет он обладает техникой зрелого артиста. Валерий не говорит по-французски, поэтому мы не знаем названия двух песен, спетых им на «бис», но знаем, что были это прекрасные народные украинские песни, живые и добрые...»

Валерий Буймистер родился в семье вольнослужащего в Черниговской области на Украине. Окончил музыкальное училище, а затем Киевскую консерваторию. В 1975 году стал дипломантом Всесоюзного конкурса Глинки, который проходил в городе Тбилиси. И вот его первое участие в международном состязании певцов.

— Конкурс вокалистов в Париже, — рассказывает Валерий Буймистер, — возник десять лет назад, в 1967 году. Проходит он ежегодно. Цель конкурса — выявить талантливую певческую молодежь.

В 1977 году из пятидесяти восьми соревнующихся вокалистов шесть уже были лауреатами международных конкурсов. Советские исполнители принимали участие впервые. Заняв второе место и получив серебряную медаль, я был приглашен для участия в концерте лауреатов, который состоялся осенью прошедшего года в курортном французском городке Экс-ан-Прованс. У меня была большая программа, в которую вошло много украинских народных песен.

А в конце прошлого года Валерий дал свой первый сольный концерт из камерных произведений композиторов 17—18 веков в зале Киевской филармонии. Впереди — участие в Международном конкурсе вокалистов в Барселоне и предполагаемое участие в опере «Евгений Онегин» Чайковского на сцене Большого театра в Москве.

В. ДЕМИН

На восьмой звуковой странице в исполнении В. Буймистера вы услышите украинскую народную песню «Что, дуб, не зеленый» и русскую «Ах, ты ночь ли, нощенька».

ПЕСНЯ ЖИВАЯ И ДОБРАЯ

ЗНАКОМСТВА

Фото А. Дурнава

День свадьбы был назначен, банкет заказан, в ателье шили платье из гипюра на шелковом чехле. Надо было съездить к ювелиру: кольца, купленные женихом, были велики—оба.

Доверили это Нюте. Все остальное устраивали ее мать, Глафира Ивановна, и Эдуард Степанович, Эдик, жених. Впрочем, Эдиком его называть стеснялись—без малого кандидат, автор труда по технологии производства безалкогольных напитков и вообще—тридцать пять лет.

В дело с кольцами Глафира Ивановна все же вмешалась: сняла мерку с безымянного пальца жениха, скрутив конфетную бумажку, и строго наказала Нюте колец не оставлять, пусть все делают при ней.

Нюта, тонкая, высокая, светловолосая, только постанывала:

— Ну, мама... Ну, хватит... Я все знаю...

— Ничего ты не знаешь, лучше молчи. Двадцать пять лет, а ничего не умеешь. Все подружки давно замуж повыходили...

Укоры эти вроде бы устарели, но Глафира Ивановна так привыкла к этим разговорам, что не могла остановиться и непременно заключала тяжким вздохом: «Неактивная ты какая, и в кого только—не пойму». Тревожилась она за дочь: бледненькая, хрупкая, на работе сидит над своими

Наталья БАРАНСКАЯ

Рисунок В. Красновского

КОЛЬЦО

чашками-плошками, рисует цветы-узоры, а как сложится ее женская доля? Но тут же Глафира Ивановна успокаивала себя: она все сделала, чтобы Нюте было полегче. Эдик вскоре защитит диссертацию, станет ученым, квартира у них хорошая, двухкомнатная, недавно только дали ей от завода как лучшему мастру-пивовару, и дома все, как у людей,—телевизор, и ковер, и хрусталь в серванте.

Собственные ее, Глафиры Ивановны, трудности позади, дочь вырастила, вот и замуж выдает за самостоятельного человека, хоть и без квартиры, так он инородный, надо понять. Жить да радоваться и нечего охать!

Нюта вошла в ювелирную мастерскую, заняла очередь—перед ней трое и еще молодой человек в стороне, у окна. Мастер сидел под яркой лампой, спущенной с потолка к самым рукам, обсуждал с заказчиком, что поставить взамен утраченных камушков в старинную брошь. Нюта заскучала, хотела взглянуть на брошку, надо было шагнуть в сторону, но что-то мешало, связывало. Оглянулась и встретилась глазами с тем, кто стоял у окна, смотрел на нее пристально, но тут же приветливо улыбнулся. Нюта отвернулась, нахмурилась—«вот еще... гипнотизер». Разглядеть его она не успела, подумалось почему-то: «светлый».

Подходила очередь, она сама обернулась к тому, у окна.

— Нет, нет,—ответил он на ее безмолвное приглашение занять свое место,—я просто зашел к другу.

На этот раз Нюта успела увидеть хорошо причесанные длинные волосы, действительно светлые, светлые глаза и тонкий нос, пожалуй, чуть великоватый. И опять она подумала о незнакомце одним лишь словом: «тонкий».

Нюта отчего-то смутилась, долго возилась с маминной упаковкой, наконец развязала, развернула и тут же уронила кольцо. Зазвенело оно, покатилося к окну, под ноги к незнакомцу, тот поднял и, когда Нюта подошла, протянула руку, улыбнулся и надел кольцо ей на указательный палец. Стоя перед ним, Нюта разглядела его хорошо и подумала о нем в третий раз опять-таки одним словом—«красивый».

Похуже было, он над ней смеялся. Действительно, стоит она перед человеком с вытянутым пальцем, а на пальце висит массивное кольцо.

Нюта застыдилась до слез, щеки ее заалели.

— Не огорчайтесь,—сказал он мягко,—тут нет дурной приметы... Простая случайность.

Ювелир смотрел на них с улыбкой и вдруг сказал:

— Знакомьтесь—мой друг Юрий, музыкант.

Нюта представилась:

— Аня, художник по фарфору.

И тут же ей стало легко и двигаться и говорить.

Пока ювелир распиливал кольцо, подгонял по мерке (на Нютин палец он только взглянул), Юрий и Нюта беседовали у окна. Она рассказала о большом «юбилейном» сервизе—сто предметов!—который завод изготовил в десяти экземплярах, а Юрий—о своем ансамбле, о том, как неловко играть в кафе, но в молодежном с публикой есть контакт.

За разговором Нюта не заметила времени, даже удивилась, как быстро справился мастер. Он завернул кольца, Нюта расплатилась. Мастер повернулся к Юрию—давай, займемся с тобой. «Нет-нет, уже поздно, скоро на репетицию». И Юрий открыл перед Нютой дверь.

— Ну, счастливо!—крикнул ювелир едогонку и засмеялся.

У тротуара стоял серый «Москвич». Юрий звякнул ключами.

— Разрешите, я вас довезу—куда вам?—И распахнул дверь.

Впервые в жизни Нюта пренебрегла наставлениями мамы. Та просила Нюту быть осторожной—беречь кольца, смотреть, чтобы кто не увязался следом, в автобусе остерегаться жуликов. А она что делает? Садится в машину к незнакомому человеку, который может увезти неизвестно куда ее вместе с кольцами—золотыми, дорогими, обручальными...

— Что-то вы приуныли, Аня. Невестам полагается сиять и освещать все вокруг. О чем вы задумались, скажите?

И Нюта вдруг поведала незнакомцу, что выходит замуж по маминому выбору, жених старше на десять лет, попросту мама просватала дочь за аспиранта, откомандированного на

ве завод работать по теме. Вот ведь странность: перестройка жизни, которую Нюта признавала необходимой, сейчас казалась ей невероятной, неприемлемой. Голос у Нюты задрожал и сорвался.

Юрий сбавил скорость.

— Разве так выходят замуж такие милые, такие...— Он хотел сказать «красивые», но выбрал другое— «симпатичные»? Да еще в вашем возрасте? Двадцать два, двадцать три—возраст надежд!

Нюта промолчала, и Юрий к разговору не возвращался. Она хотела выйти, не доезжая, но Юрий свернул, повел машину меж домами, спрашивая коротко «направо», «прямо»? И так до самых дверей.

— Вот тут, на третьем этаже, вот мой балкон,—сказала Нюта скороговоркой и смутилась. Получилось, будто она приглашает его заходить. Юрий усмехнулся.

— Вы что, хотите, чтобы я под балконом серенады пел? Дайте ваш телефон.—И он вынул из кармана куртки пачку сигарет и авторучку.

Нюта продиктовала номер едва слышно, подумала: «Зачем это я?»

Юрий, отъезжая, помахал, что-то крикнул, но она расслышала только одно слово— «смелее».

Вечером, к ужину, пришел Эдуард Степанович, как всегда румяный, веселый, душистый и с неизменным подношением. Сегодня с букетиком анютиных глазок. «Со значением»,—умилилась Глафира Ивановна.

После ужина примеряли кольца.

— А где же золото?—спросил Эдуард Степанович.

— Какое золото?—Нюта не поняла.

— Ах, Нюточка, я же тебе говорила, не забудь взять выпиленный кусочек!

— И крошки, крошки, у них всегда остается много крошечек,—взволновался жених.

— Не знаю, я не заметила,—смутилась Нюта.

— Как же так, Нюточка?—ахнула мать.

— Надо взять. Завтра поедем и потребуем вернуть.—Голос у жениха был суров, взгляд мрачен.

Нюта молча ушла в свою комнату, заперлась на задвижку, не ответила на легкое постукивание в дверь. Слышала: мать говорила что-то сладким голосом, потом дверь хлопнула—жених ушел.

Утром Нюта сказала Глафире Ивановне, что замуж выходить раздумала. Мать уговаривала, стыдила, кричала, плакала—три утра и три вечера подряд. Приезжал Эдуард Степанович—просил, укорял, возмущался. Но Нюта проявила необыкновенную твердость и не уступила.

Прошла неделя, другая. Глафира Ивановна подозревала, что Нюта жалеет о разрыве: все она о чем-то думает, все к чему-то прислушивается, чего-то ждет. И чуть зазвонит телефон, бежит в коридор, первая хватает трубку.

Но тот, кого она ждала, так и не позвонил.

**Заслуженная артистка
РСФСР**

Мария ПАХОМЕНКО:

— На этот раз я представляю не только песню, но и композитора. Потому что он выступает в «Кругозоре» впервые.

Это молодой ленинградский музыкант Юрий Семенов, которому, как мне кажется, очень удался рисунок песни в народном духе.

Стилизация всегда была искусством тонким.

Вместе с поэтом Глебом Горбовским они написали небольшую лирическую поэму «Знать, случились холода». И я стараюсь сохранить ее поэтическую линию.

**Заслуженный артист
Северо-Осетинской АССР
Аскер МАХМУДОВ:**

— Мне познакомиться с композитором, которого я представляю, было несколько сложнее, так как мы живем в разных городах:

я — в Орджоникидзе, в Александр Шульга — в Москве. Ноты песни «Только скажи» на стихи Владимира Харитонова пришли по почте.

Я открыл конверт, в котором оказалась песня, как теперь принято говорить, «про любовь». Причем любовь эта именно такая, какая почитается у нас в горах, — страстная, бурная, горячая. И я представляю себе, что под эту песню можно танцевать. Попробуйте...

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1978 г.

На первой
странице обложки
рисунок художника
Г. Спирина

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом
радиовещания
и звукозаписи.

Сдано в набор
23/III 1978 г.
505904. Подп. к печ.
30/III 1978 г.

Формат 60 × 84 1/2.
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 500 000 экз.
Зак. 2003. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор»

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

1. «Знамя Победы». Вспоминает Герой Советского Союза Михаил Егоров.
2. На орбите дружбы. Репортаж о полете международного космического экипажа.
3. Путь на Богучаны. Рассказывают ветераны ангарских гидростроек.
4. «Лесной богатырь». Рассказ о медведе.
5. Актёр Леонид Куравлев о работе с В. М. Шукшиным.
6. Органная музыка. «Токката» М. Регера и «Фантазия» Моцарта в исполнении Ларисы Булвы.
7. Судьба песни «Любимый город» Н. Богословского и Е. Долматовского.
8. Поэт Валерий Буймистер: украинская песня «Что, дуб, не зелёный» и русская народная «Ах, ты ночь ли, ноченька».
9. Песни о любви: «Знать, случились холода» (Ю. Семенов, Г. Горбовский) и «Только скажи» (А. Шульга, В. Харитонов) в исполнении М. Пахоменко и А. Махмудова.
10. Ансамбль «Оризон»: новые записи.
11. Игрет оркестр Поля Мориа.
12. Донна Саммер (США): «Я помню вчерашний день», «Я переполнена любовью» (Д. Саммер — Дж. Мордер — П. Беллотте).

Главный редактор В. С. КРЮКОВ

Редакционная коллегия:

В. В. ГАСПАРЯН (зам. главного редактора),

А. Б. ДИХТЯРЬ, В. А. ИВАНОВ, И. Д. КАЗАКОВА,
Л. Э. КРЕНКЕЛЬ, А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник)

Технический редактор Л. Е. Петрова

Среди серых, старинных зданий ств-рой Риги, оплетенных густой сетью узких улочек и тупиков, возвышается громада Домского собора, увенчанная башней с золотым петухом. Более семи веков суровые ветры Балтики безжалостно хлещут по его могучим стенам. Пожары и наводнения оставили рубцы на его теле. В настенных эпитафиях, в звонкой латыни слышен перезвон рыцарских лат, гулкие шаги столетий, военные и революционные бури, арывавшиеся в тяжелые двери здания. Здесь воочию виден культурный слой земли: чтобы войти в собор, надо спуститься по ступенькам вниз, а не подняться вверх, как несколько веков назад.

И лишь перед музыкой время оказалось бессильным. Она давно вошла сюда вместе со звуками органа и осталась здесь. Мы знаем немного о старой органной музыке Домского и знаем все о том инструменте, который сейчас украшает собор. И то, что построили его в 1883 году мастера фирмы «Валькер» из Людвигсбурга, и то, что на его открытие Лист написал кантату, и то, что в годы фашистской

оккупации орган был варварски разграблен: 700 труб были похищены, расплавлены и проданы. Только в начале 60-х годов специалисты известнейшей фирмы ГДР «Ойле» с тщанием и любовью помогли восстановить Домский орган.

Итак, диапазон инструмента — 9 с половиной октав, в нем 6768 металлических и деревянных труб. А через деревянные его «легкие» во время игры проходит 133 тысячи литров воздуха. Есть в мире органы и покрупнее. Но у органа Домского собора — свои особые, мягкий, «петящий» звук. Расположением нефов и пилонов, хоров и кафедры архитекторы этого деревянного дома в доме каменном добились своеобразной акустики. Реставраторы зала сохранили ее точно так же, как и красоту внутреннего убранства, узоры витражей. В этом здании рождается сплав звука, света, пространства, который становится достоянием полутора тысяч

слушателей. Многие выдающиеся органисты — советские и зарубежные — выступали в Домском соборе. Но чаще всего здесь играют латвийские музыканты — и многоопытные мастера и совсем молодые исполнители. Среди них — питомица Рижской консерватории Лариса Булава. Она окончила фортепианный класс в 1973 году, органист — годом позже, и к сегодняшнему дню в ее концертном активе около 60 сольных выступлений. К ним можно причислить и встречу с любителями музыки в «Кругозоре».

Григорий МЕРСОН

Фото А. Ратникова

На шестой звуковой странице помещены фрагменты «Токкаты» Макса Регера и органной фантазии Моцарта фа-минор.

ДЕВЯТЬ С ПОЛОВИНОЙ ОКТАВ

США

Шумная, рекламная кампания, организованная итальянским импресарио Серджо Бернардини в канун первого приезда в Европу молодой негритянской певицы Донны Саммер, завершилась в аэропорту Милана, куда собрались свыше тысячи репортеров из всех крупнейших газет и журналов Старого Света. Едва сойдя с трапа самолета, Донна присоединилась к ожидавшим ее музыкантам и тут же, в аэропорту, начала концерт, который длился полтора часа без перерыва.

Сведения, просочившиеся о ней в прессу, весьма скудны. Донна Гайнес родилась в 1950 году в штате Массачусетс. Старшая из трех дочерей, она рано увлеклась музыкой, не считая, впрочем, пение своим основным и единственным занятием. Возможно, Донна Гайнес (по первому мужу Саммер) так никогда и не стала бы Донной Саммер, если бы не случайная встреча с эстрадным музыкантом, певцом и импресарио Джорджо Моредером, который предложил ей контракт и в течение двух лет готовил ее в своей эстрадной студии, откуда, кстати, вышла и другая известная эстрадная певица, Роберта Келли.

Саммер по-английски — лето. Заменив всего лишь одну букву в своей фамилии, Донна вышла на эстраду в середине 70-х годов под этим новым именем, звучание которого год от года набирает силу.

Выступления Донны Саммер похожи на спектакль. В чем-то ее можно сравнить с Лайзой Минелли. Каждый номер сопровождается сложными светотехническими эффектами, ее голос достаточно силен, и она не чувствует себя «рабой» микрофона.

— Я самая старая в моей семье, — смеется Донна. — Я постоянно чувствую себя мамой. Со мной выступают две мои младшие сестры — Дара Линн и Мэри Элен, и меня всегда ждет в Бостоне пятилетняя Мими, моя дочь, с которой я ежедневно беседую по телефону. Я очень редко бываю дома, и это, пожалуй, единственное, что огорчает меня в моей профессии.

Александр МАРЬЯМОВ

**ДОННА
САММЕР**

Цена 1 р. 20 к. Индекс 70461.